

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора культурологии Серебряковой Елены Геннадьевны
на тему: «Социокультурная идентичность советских нонконформи-
стов 1960-70-х годов»
по специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры»

Актуальность работы Е.Г. Серебряковой обусловлена и значительностью ее объекта (как исторической, так и этической), и недостаточной его исследованностью, при всем очевидном и существенном внимании, проявляемом в последние десятилетия историками к этому предмету (связанной отчасти с тем, что для российских историков тема стала доступна сравнительно недавно, но прежде всего — с тем, что изучение относительно недавних событий — и это, заметим, касается не только социальной истории, но и, например, истории художественной литературы — по понятным причинам всегда бывает осложнено недостаточностью источников, еще не обнаруженных или не собранных).

Методологическое своеобразие работы определено выбором предмета: исследуется такая трудно уловимая и вещь, как поведение, риторическое и нравственное его оформление и обоснование, — в частности, то, как поведение отражается в эго-текстах (иногда значительно отдаленных во времени от самого события, как, например, мемуары). Отечественная гуманитарная наука знает менее многочисленные, чем желалось бы, но удачные опыты исследований подобного рода, посвященные, однако, насколько нам известно, все же по преимуществу деятелям более ранних эпох (видимо, именно из-за того, что эго-документы XIX века в достаточной степени уже существуют для нас как комплекс, введены в научный оборот, учтены и во многом изданы): см., например, книгу Т.И. Печерской «Разночинцы шестидесятых годов XIX века: опыт филологической герменевтики» (Томск, 2000) или более работу филолога Ирины Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма» (замечу, что неслучаен интерес именно фи-

лологов к проблематике такого рода: филологическая герменевтика позволяет понимать поступок как знак, а жизненный путь как нечто, имеющее (вполне неметафорически) свой синтаксис.

В последние десятилетия, сначала на Западе, а потом и в России, нонконформизм в СССР, конечно, становился предметом активного изучения, — в особенности, заметим, нонконформизм политический, диссидентство (что касается искусства андеграунда, в частности, литературы, то здесь не только интерпретация, но и первоначальный сбор материала еще в основном впереди). Работа Елены Геннадьевны, опирающаяся в том числе и на работы предшественников (особенно близка концептуально, как нам представляется, к статье А. Даниэля), открывается проясняющим картину анализом этапов истории обсуждения нонконформизма, обнаруживающим существующие лакуны и точно вписывающим предлагаемое исследование в научную традицию.

Новизна обсуждаемой работы определена ее основным содержанием: впервые, насколько мы понимаем, предложена попытка проследить историю изменений отечественного нонконформизма в 1950-х-1980-х гг., определяя моменты принципиальных изменений и объясняя их социально-политические причины; в своих общих очертаниях историческая картина, рисуемая Еленой Геннадьевной, представляется убедительной и не противоречит историческим фактам, систематизируя их.

Среди сильных сторон исторического исследования — поиск соответствий между общественными процессами и направлением гуманитарной мысли, вполне, казалось бы, академической: так, предложены остроумные и убедительные интерпретации причин создания историософской концепции С.С.Аверинцева; бинарные и тернарные системы отечественных структуралистов (Ю.М.Лотмана прежде всего) объясняются как результат рефлексии над состоянием современного ученым советского общества.

Очевидная сложность поставленных задач определяется, в частности, большой, можно даже сказать — болезненной близостью предмета к нашему

времени, что очень затрудняет объективный разговор. Эта современность предмета концептуально оценена прежде всего в самой работе; объясняя постановку вопроса, Елена Геннадьевна объединяет задачи собственно академические и гражданские, на что, по нашему мнению, имеет право; так, отмечается происходящая в наше время «диффузия конформизма и нонконформизма» и необходимость противостоять этому; прояснение исторической истины оказывается одним из действенных способов противостояния. Значимо и следующее высказывание исследователя: «Советский опыт взаимодействия власти и общества показывает, что преобладание конформистских настроений и стремление руководства страны уйти от диалога с оппозиционным меньшинством... ускоряют деструктивные процессы, имеющие драматичные последствия для государства». Переходя к вопросам и замечаниям, сразу скажем, что то, что работа провоцирует дискуссию, свидетельствует о серьезности обсуждаемых в ней проблем и не о недостатках, но, напротив, острой актуальности исследования.

Желательно было бы, на наш взгляд, подробнее аргументировать важное *положение о элементах поэтики социалистического реализма в текстах писателей-нонконформистов*. 1) Так, на стр.340 говорится о сопоставимости «Матери» Горького и «Софии Петровны» Чуковской: «обе книги представляют собой роман воспитания, имеется сходство на сюжетном уровне, совпадение мотивов, некоторых сюжетных линий и отдельных эпизодов». — Заметим, что, во-первых, образцом соцреализма «Мать» была провозглашена по идеологическим причинам; будучи написана в начале XX века, «Мать», следовательно, принадлежит к другой эпохе, нежели советские романы, и скорее всего не может быть выдержана в совершенно той же эстетике; во-вторых, то, что к старому жанру романа воспитания обращались и советские писатели, еще не делает любой текст XX века, где присутствуют черты этого жанра, соцреалистическим; в третьих, сходство сюжетных линий и отдельных эпизодов, свидетельствующее, возможно, о прямом влиянии Горького на Чуковскую, еще не определяет природы произведения в целом (есть же, например,

бродячие сюжеты, присутствующие в произведениях разных эпох и написанных совсем по-разному); да и обращение к сюжету «Матери», вполне спрашивливо интерпретируемому в последнее время как эксплуатирующий христианскую образность и мифологию (см., напр., работы В. Полонского), не является признаком именно «советскости» (или же последнее надо было доказывать). 2) Нет уверенности, что необходим и репрезентативен анализ произведения Тарсиса как соцреалистического: в исследовании Елены Геннадьевны этот анализ исчерпывающе убедителен, но призван свидетельствовать не только о Тарсисе, но прежде всего о «советском» у нонконформистов; между тем сама Елена Геннадьевна ясно говорит, что Тарсис был писатель очень слабый и именно так и оценивался современниками; а слабому писателю, конечно, свойственно использовать клише, что обнаруживает прежде всего (и, возможно, и только) его личную бездарность. 3) Самые большие сомнения вызывает утверждение, что черты поэтики соцреализма есть в «Одном дне Ивана Денисовича» — и на этом основании говорится об «адаптивном поведении» Солженицына, особенно в 50-е годы. Не случайно, видимо, это положение в работе только декларируется, но не конкретизируется; исследователь здесь в подтверждение своей оценки прозы Солженицына ссылается на Лакшина и Твардовского, видевших в «Одном дне...» подлинно советское произведение; но что значили такие определения в их устах в то историческое время и насколько свободными они были?

Думается, что дискуссионность и сложность классификации в этом случае связаны и с тем, что у нас нет полной ясности в том, что такое соцреализм, и это, конечно, не претензии к Елене Геннадьевне. То, что в настоящем исследовании квалифицируется как черты соцреализма, иногда, как нам представляется, — черты,ственные искусству XX века как таковому (в том числе и соцреализму, потому что он, при всей своей специфиности и подчиненности внеэстетическим задачам, — часть мировой культуры своего времени). Так, Елена Геннадьевна ссылается на работу Я. Солдаткиной, обнаруживающей мифопоэтическое у Солженицына, — и предлагаемом исследе-

довании присутствие мифопоэтического оказывается аргументом, доказывающим соцреалистическую природу солженицынского творчества (Елена Геннадьевна указывает здесь, например, на работы Е.Б.Скороспеловой о мифопоэтическом в соцреализме); между тем мифопоэтическое начало — явно общая черта искусства XX века, особенно модернистского типа, причем не только русского.

Подобным образом и то, что определяется в работе как специально «советское», иногда оказывается, на наш взгляд, скорее чертами, характерными для более широких общностей; так, советское для исследовательницы — это «позиционирование себя как индивидуумов, ориентированных на пересоздание действительности» (с.282). Между тем это, видимо, черта левого мировоззрения как такового (и, видимо, не только левого, если вспомнить и некоторые крайне правые утопии XX века); пересоздание действительности называл задачей философии Маркс в середине XX века, а признавать Маркса советским человеком значит все-таки слишком размывать понятие, за которым все-таки хотелось бы сохранить историческую конкретность (впрочем, соблазн такого расширения понятия советского явно существует и вызван, видимо, какими-то свойствами явления; см. стишок И.А. Ахметьева: «да нет/ не потому что советская / я например считаю / что Николай I / был советский человек / то есть / эта субстанция / присутствовала всегда»). Исследовательница убедительно обнаруживает, по сути, общие черты у нонконформистов и их антагонистов; что такие черты у людей одной эпохи были, представляется не только правдоподобным, но и исторически неизбежным; другой вопрос — стоит ли называть эти общие черты именно «советскими».

Второй большой вопрос — *границы, состав той общности*, эволюцию которой анализирует Елена Геннадьевна. Как и другие исследователи, писавшие о шестидесятниках, автор диссертации сталкивается с необходимостью уточнить это довольно туманное обозначение, разводит понятие поколения (ровесников) и «генерации»: шестидесятники понимаются здесь именно как генерация, объединяющая людей сопоставимого мировоззрения, но разных

поколений (выделяются старшие и младшие); убедительно анализируется и показывается разница между поведением нонконформистов в шестидесятые и диссидентов в семидесятые (это, собственно, и составляет основное содержание работы). При этом, однако, остается неясным – и этот вопрос в работе не поставлен – сводится ли культура андеграунда, например, пятидесятых–шестидесятых годов к тому нонконформизму, который описан в работе, – возлагающему надежды на сотрудничество с властью, веряющему в «безальтернативность социалистического пути для России» (насколько это, кстати, справедливо для Солженицына? или отдельные диссиденты все-таки появляются раньше, чем во второй половине 1960-х годов?). «Аксиология советской интеллигенции 1960-70-х годов синтезировала универсальные ценности классической культуры (антропоцентризм, гуманизм, общечеловеческую мораль) и... марксистскую философию и идеологию в качестве мировоззренческой основы»; однако по крайней мере некоторая часть интеллигенции эпохи (и со временем все более значительная) сохраняла причастность к христианской культуре, что исключает «марксистскую философию и идеологию в качестве мировоззренческой основы». Фрагмент из «Записок гадкого утенка» Г.С. Померанца («Этот официальный резидент органов был хороший человек, с естественным нравственным чувством, не поддавшимся общему безумию») Елена Геннадьевна комментирует так: «Рационализм в трансформированном варианте вошёл в марксизм. Продолжая рационалистическую парадигму в восприятии личности, “шестидесятники” не выходили за границы советской типологии сознания». Обычно считается, что Г.С. Померанц позиционировал себя как религиозного мыслителя, да и современники его, кажется, так и воспринимали; что в процитированном фрагменте рационалистического и марксистского, не вполне очевидно, м.б., это лучше бы пояснить подробнее. Не всегда понятен (а в работе это не эксплицируется) объем термина «позитивистский» в рамках предлагаемого исследования; так, позитивистским названо мировоззрение Ф. Вигдоровой (при этом говорится также и о ее религиозности, хотя последнее не подчеркивается).

Елена Геннадьевна пишет: «В начале “оттепели” авторы самиздата не противопоставляли себя официальной литературе»; между тем это справедливо вовсе не для всех; так, Леонид Чертков, посаженный в год ХХ съезда, по воспоминаниям А.Я.Сергеева, считал еще в середине 50-х недопустимым конформизмом даже публикацию поэтических переводов (Сергеев, профессиональный переводчик, напечатал свои переводы из Фроста, после чего Чертков пригрозил прекратить общение); Вс. Некрасов вспоминал, каким презрением встречали Сапгир и Холин (в 1959м – самом начале 60-х) его попытки похвалить поэзию Твардовского и Мартынова (в публикуемом нет и не может быть ничего хорошего). Более локальный аспект той же проблемы: Елена Геннадьевна пишет, что «идентичность “частный человек”… не показательна для нонконформистов, ориентировавшихся на социальное действие и производивших самоидентификацию… в иных категориях»; между тем позиция именно «частного человека» для некоторых замечательных художников андеграунда была принципиальной и осмыслилась ими как альтернативная официальному пафосу и императивно вменяемому коллективизму и героичности (см., напр., Я.А. Сатуновского, напр.: «Мужественно: пить водку натощак (предпочитаю кофе)...»)

Представляется, что расширение источниковой базы за счет архивных материалов (в Заключении Елена Геннадьевна предлагает общий очерк потенциальных архивных ресурсов такого будущего исследования) позволит нарисовать более разнообразную картину русского общества эпохи.

Историческая близость автора к описываемому явлению не позволяет удержаться от оценок, часто этических и не всегда, на наш взгляд, желательных. Конечно, было бы странно отказывать автору в праве иметь собственные убеждения и проявлять их в том числе и в академическом труде; в нашем случае, например, симпатии Елены Геннадьевны явно на стороне Сахарова, Померанца и Твардовского, а не Солженицына. Но все-таки в некоторых случаях высказываемая резкая этическая оценка требует более подробной аргументации. Так произошло, как нам представляется, в рассказе о книге «Бо-

дался теленок с дубом»: как известно, изложенная Солженицыным версия его отношений с «Новым миром» обидела Лакшина и дочь Твардовского, была объявлена ими почти клеветнической; утверждая в исследовании, что Солженицын исказил факты (не уточняется, какие именно) и тем нарушил нравственные нормы, было бы желательно указать, существуют ли – кроме жалоб одной из заинтересованных сторон – какие-то источники, которые бы позволили подтвердить или опровергнуть альтернативные версии.

Положение, в котором оказались диссиденты при поздней советской власти, Елена Геннадьевна оценивает как «отчуждение от страны и народа» (эта формулировка повторяется неоднократно как принципиальный вывод; см., напр.: «Глубина морального отчуждения от государства и, как следствие, от общечеловеческих моральных императивов»). Понятно (и показано в исследовании), что эта оценка точно отражает самоощущение многих диссидентов; представляется, однако, что в качестве обобщающего приговора, равно относящегося к разным людям, эта оценка может быть оспорена; кроме того, субъективное переживание собственного положения как кризисного, возможно, не вполне точно отражает положение дел.

Частные замечания. На стр.172 говорится: «солженицынская модель, соответствующая русскому народническому наследию XIX века...» Представляется, что многие определяющие черты мировоззрения Солженицына, определяющие и его литературную позицию, — прежде всего национализм и религиозность, — не характерны для народников как для идеологов левого типа.

С.371, о Буковском: «Примечательно определение бандитов как “своего народа”». — Исследователь противопоставляет здесь Буковского Шаламову, исключавшему для «политических» возможность человеческого общения с уголовниками; противопоставление бесспорное, но заметим, что Буковский здесь близок к Достоевскому в «Записках из Мертвого дома».

Из формулировок автореферата: «В 1970-е годы... сам- и тамиздат отрезали автору путь к легальному профессиональному существованию». — Как

и другие наблюдения исторического характера, имеющие целью обнаружить логику изменений поведения и самоощущения нонконформистов, это вполне справедливо: в самиздате 60-х годов больше авторов, печатавшихся и «официально» (начиная Глазкова и включая, например, Слуцкого); формулировка «отрезали путь» для 70-х годов представляется нам, однако, слишком резкой, все-таки были исключения, некоторый опыт «тамиздана» был у Окуджавы, Высоцкого, Сапгира (печатавшегося в СССР как детский поэт).

«В обыденной речи закрепился речевой штамп “эта страна”, отражавший отчужденное состояние сознания...» — Совершенно соглашаясь с тем, что выражение воспринимается как идеологический маркер, напомним, что это калька с английского: “this country”, обычное в устах англичанина в разговоре об отечестве, чаще всего не предполагает никакой отчужденности (и даже скорее напротив); в русской речи это — по крайней мере, для некоторых говорящих — может быть маркировано как западническое (не обязательно предполагающее отчужденность); впрочем, может быть, в русской речи выражение принципиально отделилось от английского источника.

Последнее. Елена Геннадьевна пишет: «Ориентация художников на традиции модернизма и русского авангарда выявилась во всех видах искусства: на футуристические эксперименты со словом ориентировался Вознесенский, на ОБЭРИУтов — поэты группы Лианозово (Г.В. Сапгир, Вс.Н. Некрасов, И.С. Холин, Ян Сатуновский). — Лианозовцы (особенно прямо — Сапгир) утверждали, что обэриутов узнали поздно и неполно, так что на становление их творчества обэриуты вряд ли влияли непосредственно (впрочем, этот спорный вопрос различно толкуется историками литературы; поэзия Сатуновского восходит к конструктивизму и футуристам (учителями называл Хлебникова и Маяковского). Вопрос о связях Бронзового и Серебряного века недостаточно разработан в филологии, так что коллегам из смежных дисциплин трудно на что-то опереться.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Всероссийской аттестационной комиссией к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры», а также критериям, определенным п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в Уральском федеральном университете.

Таким образом, соискатель Серебрякова Елена Геннадьевна заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
ЗЫКОВА Галина Владимировна
gzykova@mail.ru, +79636340073

Адрес места работы:

119991, г.Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ им. М.В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический ф-т
24 июня 2021 г.

Подпись сотрудника

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Г.В.ЗЫКОВОЙ
удостоверяю: *Сергей Иванович Олейников АИ*
руководитель/кадровый работник

И.О. фамилия

лия

Подпись заверяю

25 июня 2021